

На правах рукописи

Соловьева Наталья Федоровна

**Антропоморфные изображения и культовые комплексы
Южного Туркменистана поры среднего энеолита**
(по материалам раскопок Илгынлы-депе).

07.00.06 – археология

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург 2005

Работа выполнена в Институте истории материальной культуры РАН

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор Массон Вадим Михайлович

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук Антонова Елена Вадимовна

кандидат исторических наук Скакун Наталия Николаевна

Ведущая организация:

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого
РАН (Кунсткамера)

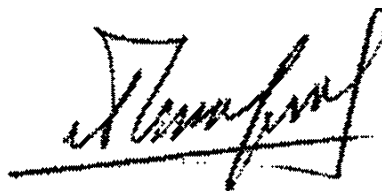
Защита состоится « 14 » декабря 2005 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 002.052.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Институте истории материальной культуры РАН по адресу Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории материальной культуры РАН

Автореферат разослан « » _____ 2005 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук

П.Е.Нехорошев

Изучение духовной культуры и мировоззрения древних обществ является одной из наиболее проблематичных областей археологии. И, хотя любой артефакт в определенные моменты жизни его владельца или всего древнего коллектива мог иметь отношение к сакральной сфере, изыскания в этой области традиционно базируются на особых группах археологических источников. Это культовые сооружения, антропо- и зооморфные изображения.

Источниками работы являются культовые комплексы и коллекция антропоморфных изображений энеолитического поселения Илгынлы-депе в Юго-восточном Туркменистане.

Хронологические рамки работы охватывают промежуток со второй четверти до конца IV тысячелетия до н. э.

Цель работы состоит в том, чтобы на основе всестороннего анализа культовых комплексов и антропоморфных изображений реконструировать элементы духовной культуры обитателей поселения Илгынлы-депе.

Задачами работы на начальном этапе являлись: выявление отличительных признаков культовых комплексов; изучение особенностей изготовления и создание типологии антропоморфных изображений; установление хронологических изменений в иконографии статуэток и в организации культовых комплексов. На завершающем этапе задача состояла в соотнесении данных, добытых на Илгынлы-депе, с выводами антропологов относительно мифа и ритуала и выявлении параллелей с культурами эпохи палеометалла в циркумиранском регионе.

Актуальность и научная новизна работы. Работа вводит в научный оборот новые материалы, представляющие интерес для исследований архитектуры, искусства и мировоззрения первобытных земледельцев. Научная новизна заключается в создании системы отличительных признаков культовых сооружений и типологии антропоморфных изображений Илгынлы-депе, позволившей выявить стилистические особенности статуэток, динамику их изменения и технику изготовления.

Практическая ценность. Результаты и материалы диссертации могут использоваться в работах по архитектуре, искусству и мировоззрению первобытных земледельцев, при чтении лекций студентам гуманитарных ВУЗов и создании музейных экспозиций.

Апробация работы. Результаты работы обсуждались на заседаниях Отдела Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН и использовались автором в докладах в Институте Археологии в Лондоне (1992 г.), Институте Археологии Варшавского Университета (1995 и 2001 гг.), Немецком Археологическом Институте в Стамбуле (2003 г.), «Доме Археологии» в Лионе, Институте Археологии в Нантере (2004 г.) и на 14-ой Международной конференции Европейской Ассоциации Археологов Южной Азии в Риме (1997 г.).

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованной литературы. Приложение 1 включает каталог антропоморфных изображений, приложение 2 – альбом иллюстраций.

Во **введении** формулируются цель и задачи работы, актуальность и степень изученности темы, приводится историография изучения антропоморфных изображений и культовых комплексов эпохи энеолита Туркменистана.

Глава I содержит характеристику, краткую историю изучения и результаты исследований памятника.

Поселение Илгынлы-депе, площадью 14 га и высотой 12-14 м расположено в восточной части подгорной полосы Копет-Дага в 240 км на ЮВ от Ашхабада и в 110 км на СВ от Мешхеда.

Керамика с росписью геоксюрского стиля, появляющаяся в двух верхних строительных горизонтах, позволяет датировать оставление Илгынлы-депе 3100-2900 гг. до н.э. При мощности отложений порядка 14 м, поселение должно было быть основано в конце V – начале IV тыс. до н.э.

С 1985 по 1999 годы работы на Илгынлы-депе проводились Каракумской экспедицией ЛОИА АН СССР (ныне – ИИМК РАН) и XIV отрядом ЮТАКЭ АН Туркменистана под общим руководством В. М. Массона.

На поселении заложено 7 раскопов, 3 из которых стали основными.

Стратиграфический раскоп 3 (руководитель Н.Ф.Соловьева), размером 16 x 14 м, расположен в ЮЗ части холма. Исследовано 6 строительных горизонтов. Самый верхний сохранился не на всей площади. Остальные 5 представляют последовательную смену архитектурных комплексов квазихрамового характера с уникальными деталями интерьера. Здание более позднего горизонта возводилось на месте прежнего, повторяя ориентацию, расположение входа и деталей интерьера, но новый комплекс имел и присущие только ему особенности.

Планиграфический раскоп 4 (руководитель Ю. Е. Березкин), примерно 70 x 20 м, тянется по склону с СЗ на ЮВ от наиболее возвышенного участка холма. Отложения вскрывались на глубину 1,2-1,35 м. Верхние горизонты I и II сохранились в СЗ части раскопа. Строения горизонта III раскопаны в ЮЗ его части.

Планиграфический раскоп 5 (руководитель Е. Березкин), площадью 30 x 30 м, расположен на наиболее возвышенном участке в северной части холма. Отложения вскрыты на глубину до 1,5 м. Горизонты ПБ, ПА, ИБ и IA соответствуют горизонтам IV, началу III, концу III и началу II на раскопе 3, но эта корреляция приблизительна. Материалов конца II – начала I горизонтов раскопа 3, на раскопе 5 нет, – в этот период самая высокая часть поселения оказалась заброшена.

Изучение Илгынлы-депе – качественно новый этап исследований памятников энеолита Южного Туркменистана. Наряду с анализом материальной культуры поселения, особое внимание уделялось микростратиграфии архитектурных остатков в пределах строительных горизонтов, изучению техники домостроительства и создания интерьеров помещений.

Глава II посвящена анализу культовых комплексов Илгынлы-депе. Приводится описание комплексов, разработана система отличительных признаков культовых сооружений и показаны их хронологические особенности.

На Илгынлы-депе открыто 25 архитектурных комплексов с оригинальным интерьером. Насыщенность их помещений объектами высокой семиотической ценности позволила называть такие комплексы «святилищами». Однако оказалось, что святилища являются лишь центральными комнатами домохозяйств. В некоторых случаях все домохозяйство состояло из святилища и дворового участка перед ним, в других рядом расположены 1 – 2 помещения без изысканного декора, в крупных домохозяйствах перед святилищем непременно был парадный двор, соединенный с жилыми и хозяйственными постройками. Встречаются помещения, обладающие большим количеством деталей и объектов неутилитарного назначения и помещения с минимальным их набором. В святилищах, помимо проведения ритуалов, хранили запасы зерна, занимались домашними ремеслами, о чем свидетельствуют найденные орудия труда. В результате вместо термина «святилище» был введен термин «парадное помещение».

В данной работе, наряду с терминами «парадное» и/или «главное помещение», используются термины «культовый комплекс» или «святилище», подразумевая под этим домашние святилища.

§1. Описание культовых комплексов.

Комплексом считается блок строений, включающий парадное помещение и подсобные камеры, имеющие общую стену с парадной комнатой, а не все домохозяйство, границы которого часто неопределимы. Частично раскопанные комплексы в работе не рассматриваются. Если два или более парадных помещения находились на одном месте одно над другим, критерием нового комплекса считается возведение здания с нулевого цикла. Если перестройки не связаны с полным сносом старых и возведением новых стен, комплекс рассматривается как один, но перенесший капитальный или косметический ремонт.

§2. Отличительные признаки культовых комплексов.

Исследования святилищ показали, что жители прекрасно знали, что они создают еще при закладке фундамента, не говоря уже о внутренней отделке парадных помещений. На археологическом материале доказано, что существование комплексов от выравнивания площадки под строительство до

полного разрушения здания всегда сопровождалось обрядовыми действиями. По этим трем направлениям были выделены отличительные черты ритуальных сооружений:

I – архитектурные особенности культовых комплексов;

II – интерьер главного помещения и подсобных камер;

III – материальные следы обрядовых действий, связанных с «жизнью» комплекса.

I

1. Форма здания в плане подквадратная (все комплексы).

2. Ориентация здания углами по сторонам света (все комплексы). Большинство строений Илгынлы-депе и поселений Геоксюрского оазиса ориентированы именно так, но если жилые и хозяйственные постройки могли быть развернуты в пространстве по-иному, то ритуальные комплексы – никогда.

3. Одна или две стены здания являются внешними стенами домохозяйства, которому принадлежит ритуальный комплекс (все комплексы).

4. Перед входом в парадное помещение есть двор (неясно для 1/I-3, 3/II-4, 34/II-4). Двор перед крупными святилищами отличался парадным убранством.

5. Вход в парадное помещение расположен со смещением вправо от центра стены (неясно для 1/I-3 и 34/II-4).

6. Две подсобные камеры вытянуты в линию за дальней стеной напротив входа (камер нет в 1/I-3, 1/III-7, 30/III-5, 25/III-5, 12/III-4, 18/III,II-5, 10/IV,III-5, 3/II-4, 58/IV-5, 34/II-4, 36,37/II-4). В комплексах 18/II-3 и 59/I-4 – по три камеры, в 9/III-5 – одна.

II

1. Четкое разграничение значимых участков внутри парадного помещения (все комплексы).

2. У стены слева от входа внутри парадного помещения находится сырцовая тумба (47/VI-3, 38/V-3, 26/IV-3, 14/III-3, 59/II-4, 25/III-5, 26/IV,III-5, 15,19/III-4, 3,4/III-1, 10/IV,III-5, 58/IV-5) или контрфорс (18/II-3 – поздний этап, 59/I-4, 1/III-7, 30/III-5, 12/III-4, 18/III,II-5 – поздний этап, 9/III-5, 36,37/II-4 и, вероятно, 34/II-4).

3. Наличие особого рельефно-цветового декора тумбы (47/VI-3, 38/V-3, 26/IV-3, 58/IV-5, 26/IV,III-5 и, возможно, 10/IV,III-5).

4. Наличие в парадной комнате на стене напротив входа особого рельефно-цветового декора, включая росписи (47/VI-3, 38/V-3, 26/IV-3, 26/IV,III-5), черного (14/III-3, 58/IV-5, 18/III,II-5, 59/II-4) или белого (10/IV,III-5, 15,19/III-4, 59/I-4) покрытия.

5. Черное покрытие пола (не выявлено в 3/II-4, 12/III-4, 34/II-4, 1/III-7 и 1/I-3, но оно могло остаться незамеченным, если краска наносилась один раз).

6. Наличие в парадной комнате окрашенных охрой деревянных или глиняных скамей. Глиняные скамьи имитировали деревянные прототипы: боковые валики нависали над полом, по углам рельефно вылеплены ножки, пространство ниже валиков между ножками выкрашено в черный цвет. Скамьи сложены из особых сырцовых кирпичей, поверх которых нанесен формирующий слой глины с саманом, затем чередующиеся слои глиняной обмазки и краски. Количество ремонтов скамей индивидуально, но число слоев обмазки одной скамьи не превышает 7, а слоев краски – более 20. Скамьи не выявлены в полностью расчищенных комплексах 47/VI-3, 38/V-3, 58/IV-5, 10/IV,III-5, 26/IV,III-5, 25/III-5 и в комплексах 12/III-4, 34/II-4 и 1/I-3, о которых нет достаточной информации.

7. Наличие в полу левой ближней четверти парадной комнаты дисковидного очага-жертвенника с бортиком и ямкой-жаровней в центре (1/I-3, 18/II-3, 14/III-3, 30/III-5, 18/III,II-5, 15,19/III-4, 3,4/III-1, 3/II-4, 9/III-5, 34/II-4).

8. Наличие в полу парадной комнаты тарных сосудов или ямок для их установки (47/VI-3, 38/V-3, 26/IV-3, 14/II-3, 18/II-3, 25/III-5, 18/III,II-5, 26/IV,III-5, 10/IV,III-5, 9/III-5).

9. Оформление левого ближнего угла парадной комнаты: занят тумбой (38/V-3, 18/II-3 – средний этап, 18/III,II-5 – ранний этап, 58/IV-5, 10/IV,III-5); глубокая ниша с полусводом (26/IV-3); заложен кирпичами и оштукатурен (47/VI-3, 59/II-4); отгорожена каморка с «входом» (18/II-3 – ранний этап, 1/III-7, 15,19/III-4, 18/III,II-5 – поздний этап); на месте угла снаружи здания уступ (25/III-5 и, вероятно, 3,4/III-1).

10. Наличие подквадратной в плане сырцовой конструкции в правом ближнем углу парадной комнаты (58/IV-5, 9/III-5, 18/III,II-5).

11. Широкий проем в стене между парадной комнатой и правой камерой (47/VI-3, 38/V-3, 26/IV-3, 26/IV,III-5, 9/III-5).

12. Пол правой камеры значительно ниже пола парадной комнаты и левой камеры (38/V-3 – ранний этап, 26/IV-3, 26/IV,III-5 – ранний этап, 15,19/III-4, 59/II-4).

13. Существование на месте правой камеры на позднем этапе бытования комплекса открытого через проем в сторону парадной комнаты подиума (47/VI-3, 38/V-3, 26/IV,III-5).

14. Наличие сырцовой конструкции, расположенной по длинной оси левой камеры (38/V-3, 26/IV,III-5 и, возможно, 15,19/III-4 и 59/II-4).

15. Отсутствие бытового мусора на полах (все комплексы).

III

1. Вмонтированный в основание тумбы кухонный горшок (47/VI-3), поставленный в тумбу тарный сосуд (38/V-3), положенные под первую промазку пола соединенные веревкой глиняные лепешки (14/III-3) или медные лезвия (18/III,II-5 – поздний этап).

2. Каменная статуя, продолговатый камень или сырцовый кирпич, вкопанные в пол парадной комнаты под углом к порогу (26/IV,III-5, 10/IV,III-5, 9/III-5, 12/III-4, 59/II-4).

3. Чаша, вмазанная в ямку-жаровню очага-жертвенника (9/III-5, 30/III-5).

4. Чаша, вмазанная в пол и стену парадной комнаты слева от входа в углу, образованном стеной помещения и тумбой (58/IV-5 и 10/IV,III-5).

5. Скопление фрагментов тонкостенной керамики в верхней части заполнения тумбы (58/IV-5, 26/IV,III-5, 10/IV,III-5 и 26/IV-3).

6. Скопление объектов ритуального характера на полу парадной комнаты перед проемом (26/IV-3 и 26/IV,III-5).

7. Череп джейрана, оставленный в нише в левой камере (26/IV-3); рог дикого быка, положенный на постамент в нише в южном углу помещения 26/IV-3; череп козла или барана, вмурованный в стену при заделывании лаза из правой камеры в парадную комнату (26/IV,III-5).

8. Антропоморфные статуэтки в тумбах (26/IV-3, 15,19/III-4) или под стенами между парадной комнатой и правой камерой (18/II-3, 14/III-3).

9. Перестройка тумбы в процессе «жизни» святилища (10/IV,III-5, 18/II-3, 18/III,II-5, 59/II-4, 59/I-4 и, возможно, 1/III-7).

10. Кости мелких парнокопытных, вертикально вдавленные в пороги (14/III-3 и 59/II-4).

11. Оставление ценных вещей на полу перед разрушением комплексов (38/V-3, 26/IV-3, 14/III-3, 18/II-3, 10/IV,III-5, 26/IV,III-5, 18/III,II-5, 9/III-5, 1/III-7, 15,19/III-4, 3,4/III-1).

12. Намеренное разрушение деталей интерьера (47/VI-3, 38/V-3, 26/IV-3, 10/IV,III-5, 26/IV,III-5, 58/IV-5).

13. Россыпи зерна на полу (26/IV-3, 10/IV,III-5, 26/IV,III-5).

14. Укрывание скамей кусками штукатурки (14/III-3, 18/II-3).

15. Сожжение комплексов (38/V-3, 26/IV-3, 10/IV,III-5, 26/IV,III-5).

16. Заклад входа (38/V-3, 26/IV-3, 15,19/III-4).

17. Забутовка парадного помещения косыми рядами поставленных на ребро кирпичей (26/IV,III-5, 3,4/III-1).

18. Многократное разведение огня в процессе засыпки и забутовки комплекса (47/VI-3, 38/V-3, 59/II-4).

19. Сосуды или корзины, оставленные в углах разрушенных и засыпанных помещений (47/VI-3, 26/IV-3).

Наличие у помещения, как минимум, 3 признаков позволяет выделить его из бытовой архитектуры и отнести к разряду сооружений, связанных с проведением обрядовых действий. Каждый комплекс Илгынлы-депе обладал хотя бы одним признаком всех трех разделов.

Выделенные признаки святилищ подтвердили существование на разных участках поселения похожих комплексов. Единство в архитектуре, интерьере, наборе орудий труда и в материальных свидетельствах обрядовых

действий демонстрируют комплексы 26/IV-3 и 26/IV,III-5. Во многом похожи детали интерьера парадных помещений 18/II-3, 1/III-7, 30/III-5, 18/III,II-5, 9/II-5. В то же время каждое святилище обладало индивидуальными особенностями.

§3. Хронологические особенности культовых комплексов.

1. *Наличие тумбы и ее конструкция.* Заполнение тумб, регулярность кладки стен и порядок нанесения слоев штукатурки отвергают идею об использовании их в качестве «мусорного ящика», стены которого наращивались по мере его заполнения. Вероятно, тумбы были закрыты сверху еще во время отделки помещений. Идее применения тумбы в качестве опоры для перекрытия противоречит обнаружение тумбы из строительного мусора без сырцовых стен в комплексе 14/III-3 и тумбы в комплексе 47/VI-3, чья ближняя к входу боковая стена была сформована из слоев глины и фрагментов крупных сосудов. Обе тумбы без прочных стен не могли служить опорой перекрытия, да и целый кухонный горшок, вмонтированный в основание передней стены тумбы комплекса 47/VI-3, не выдержал бы тяжести кладки.

Тумбы есть во всех комплексах горизонтов VI – IV. С середины-конца горизонта III конструкция тумбы меняется – ближнюю к входу торцовую стену возводят тычковой кладкой. Такая стена уже способна нести тяжесть перекрытия. В святилищах 18/II-3, 18/III,II-5 и, вероятно, 59/II-4 зафиксированы следы сооружения, перестройки и сноса передней и дальней от входа торцовых стен тумбы при сохранении ближней торцовой стены. Ближняя торцовая стена к этому времени была превращена в контрфорс, а тумба примыкала к ней. Эта идея подтверждается в некоторых комплексах горизонта III и большинстве комплексов горизонтов II и I, когда тумба исчезает, но на месте ее ближней торцовой стены остается контрфорс.

2. *Рельефно-цветовой декор тумбы.* Тумбы в комплексах горизонтов VI – IV имели горизонтальное ребро со скосом внутрь на высоте 10-15 см от пола. Поверхность тумбы от пола до ребра красилась в черный цвет. На передней стене выше ребра были вылеплены 2 миниатюрных пилястра: ближний к входу треугольный в сечении, дальний – прямоугольный. В горизонте III декор не зафиксирован в святилище 14/III-3 и отсутствует в святилище 15,19/III-4; в других синхронных им комплексах тумбы нет, либо штукатурка на ней обвалилась. Позже горизонта III декор не встречается.

3. *Дисковидный глиняный очаг-жертвенник.* В литературе отмечалось, что очаг-жертвенник ни разу не встречен ранее горизонта III, но есть во всех комплексах, начиная с конца горизонта III. Однако очаг-жертвенник с ямкой-жаровней и бортиком на полу парадного помещения 41/IV-3 отодвигает их появление в конец, если не в середину, горизонта IV.

4. *Скамьи.* Остатки красных деревянных скамей обнаружены в парадном помещении комплекса 26/IV-3. Фрагмент красной глиняной скамьи с моделированными «под деревянные» ножками в помещении 41/IV-3

предполагает появление глиняных скамей уже в горизонте IV. С начала горизонта III они есть во всех крупных, средних и некоторых небольших комплексах. Глиняные скамьи развиваются по пути утраты деталей, несвойственных новому материалу: в горизонте III они воспроизводят деревянные прототипы, в горизонте II рельефные части схематизируются, а в горизонте I пропадают совсем вместе с красным покрытием.

5. *Открытый в парадное помещение подиум на месте правой камеры.* Обнаружен в святилищах горизонтов VI – IV. Вместе с этим признаком можно рассматривать и проем в стене, через который подиум открывался в парадное помещение.

6. *Лунки для установки тарных сосудов в полу вдоль стен парадного помещения.* Есть в святилищах горизонтов VI – IV и в некоторых комплексах горизонта III. Позднее лунок в полу не обнаружено.

Изменения в оформлении интерьера парадных помещений частично совпали с распространением геоксюрского комплекса. Соотношение эволюции архитектуры и нововведений требует отдельного исследования. Однако можно отметить отсутствие резких изменений в архитектуре ритуальных комплексов во время появления сосудов с ранней геоксюрской росписью в горизонте III и постепенный отказ от таких знаковых элементов интерьера, как тумба или красное покрытие скамей на фоне увеличения процентного содержания геоксюрской керамики.

Глава III посвящена анализу антропоморфных изображений, найденных на Илгынлы-депе. Здесь же даны результаты исследования особенностей изготовления статуэток.

Собрание насчитывает 573 ед., накопленные в течение 14 сезонов раскопок поселения Каракумской экспедицией ИИМК РАН (исключение составляют хранящиеся в ИИМК РАН 5 экз., найденные на памятнике в разные годы). Исследуемый материал представлен фрагментами, целые экземпляры единичны.

В работе используются следующие термины:

антропоморфные изображения – общее название всех экземпляров коллекции;

скульптура, статуя, идол, изваяние – трехмерные каменные изделия, имеющие черты антропоморфной фигуры;

пластика – трехмерные глиняные изделия (самостоятельные фигурки, фигурные ручки на крышках и налепы на стенках сосудов), имеющие черты антропоморфной фигуры;

статуэтка – трехмерные глиняные поделки в виде сидячей или стоячей фигуры (чаще применяется для обозначения натуралистично вылепленных сидячих фигурок);

фишка – стоячие глиняные статуэтки на круглом основании вместо ног.

§1. Классификация. Типология.

Для анализа антропоморфных изображений выбран метод, учитывающий максимальное количество отличительных признаков, из которых были выделены классифицирующие признаки:

- 1 – материал для изготовления;
- 2 – статуэтка или ручка/налеп на сосуде;
- 3 – сидячее или стоячее положение фигуры;
- 4 – наличие или отсутствие верхней части туловища;
- 5 – наличие или отсутствие рук.

Монотонность илгынлыским изображениям придают одинаково выполненные элементы, встречающиеся не только на разных типах статуэток, но и на изделиях разных групп изображений. Постоянное воспроизведение одних деталей фигуры при полном игнорировании других предполагает, что эти повторяющиеся, часто гипертрофированные, элементы и были понятными всем символическими знаками, «необходимыми» при замысле, изготовлении и использовании поделки. Именно эти значимые элементы были использованы для выделения типов в группах изображений.

Значимые элементы выделены в трактовке головы, верхней части туловища, нижней его части и ног. Эти части выбраны неслучайно: 1) если статуэтка вылепливалась из разных фрагментов, именно такие части тела готовились отдельно, 2) такие обломки чаще всего находились на поселении, 3) соответственно, они и составляют основную часть коллекции.

Сидячие статуэтки составляют большинство коллекции.

Головы. Значимые элементы: 1 – форма глаз; 2 – форма головы; 3 – подбородок показан/не показан; 4 – рот показан/не показан; 5 – наличие/отсутствие расписных деталей.

Торсы (верхние части туловища до талии). Значимые элементы: 1 – наличие/отсутствие рук; 2 – наличие/отсутствие груди; 3 – наличие/отсутствие украшений/деталей одежды/татуировки.

Vulva (нижние части тела от талии). Значимые элементы: 1 – способ изготовления ног; 2 – детородный орган показан/не показан; 3 – форма и способ изображения детородного органа; 4 – наличие/отсутствие нарисованных, резных или налепных деталей или орнамента.

Ноги. Значимые элементы: 1 – способ изготовления ног; 2 – ступни показаны/не показаны; 3 – форма ступни; 4 – наличие/отсутствие нарисованных, резных или налепных деталей или орнамента.

Выделено 5 типов *сидячих статуэток*. Разнообразие вариантов внутри типов объясняется хронологическими изменениями и отсутствием жестких стандартов, но, в основном, различия связаны с назначением статуэток.

I тип – статуэтки сидячие с верхней частью туловища, руки показаны. Натуралистичные статуэтки, изображающие сидящую обнаженную женщину или бесполою фигуру с маленькой головой, тонкой талией, опущенными вдоль тела короткими конусовидными руками и длинными, дугообразно изогнутыми ногами. Глаза изображались и

«круглыми», и «узкими раскосыми» (возможно, и «закрытыми»). На лицах некоторых экземпляров показаны рот и/или подбородок. Глаза и рот часто закрашивались черной краской, рисовались брови, иногда – ресницы, «слезы», «морщины» или татуировка на лице. Затылок - округлый или вытянутый, иногда показан головной убор (прическа?) с черными полосками. Плечи – округлые, покатые или прямоугольные; примерно 2/3 торсов имеют нарисованные черной краской шейные украшения и орнамент на плечах и/или спине. Бюст – наклепной, реже вылепной, груди небольшие торчащие конические или полные налитые, реже обвислые, иногда черной краской намечены соски. Некоторые фигурки не имели грудей изначально. На внешней стороне бедер примерно 1/3 экземпляров черной краской нарисован орнамент. Детородный орган изображался разнообразно: врезные, наклепные или нарисованные черной краской до обжига треугольник, круг, \wedge -образный, m -образный или v -образный знаки или их комбинации. Ноги завершались конусообразно или имели вытянутые вперед, загнутые вверх или разведенные в стороны ступни. Все статуэтки терракотовые с ангобом и без ангоба, с лощением и без лощения, с раскраской деталей черной краской и без нее. Голова, верхняя часть туловища до талии, правая нижняя часть туловища с правой ногой, левая нижняя часть туловища с левой ногой лепились отдельно и соединялись до обжига при помощи тонких палочек. Иногда по отдельности лепились правая и левая половины верхней части туловища. Руки статуэток сначала вытягивали в стороны, затем опускали вдоль тела. Размеры статуэток варьируют в пределах 10-30 см.

II тип – статуэтки сидячие с верхней частью туловища с гипертрофированной формой плеча или рук. Плечи фигурок широкие округлые, прямые или приостренные, в профиль уплощенные. Общий облик оставляет ощущение толстых коротких раскинутых в стороны рук или некоего подобия крыльев. Такой контур могла бы оставить фигура, у которой кисти рук прижаты к туловищу под грудью, а локти разведены в стороны. Головы стержневидной формы с «круглыми» и «узкими раскосыми» глазами (возможно, и с «закрытыми»). У некоторых фигурок есть наклепные конические груди. Хорошо сохранившаяся статуэтка имеет массивные бедра и вытянутые вперед ноги, вылепленные из одного куска глины и разделенные спереди и сзади глубокими прочерченными до обжига бороздками. Все статуэтки терракотовые, с ангобом и без ангоба, с раскраской и без. Лощение не встречено. Фигурки либо лепились из одного куска глины, либо головы, верхние и нижние части туловищ вылепливались по отдельности и соединялись перед обжигом при помощи тонких палочек. Размеры статуэток варьируют от 2 до 10-15 см.

III тип – статуэтки сидячие с верхней частью туловища, руки не показаны. Статуэтки изображают бесполоую фигуру или зрелую пышногрудую женщину. Все – тяжеловесны с массивными бедрами. Глаза – «круглые» (но могли быть и «закрытыми»). На некоторых лицах изображены

рот и/или подбородок. Иногда черной краской закрашивались глаза и рот, рисовались брови. Затылок – округлый или вытянутый, иногда показан головной убор (прическа?). Форма плеча – треугольная, округлая, квадратная, груди – наклепные конические торчащие. Примерно на 1/3 торсов черной краской нарисованы детали одежды или украшения и орнамент на спине и/или плечах. Около 1/4 статуэток на внешней стороне бедер имеют орнамент, нанесенный черной краской. Детородный орган моделирован разнообразно, как и у статуэток I типа. Нижние части тела и ноги вылеплены из одного куска глины, ягодицы и ноги спереди и сзади разделены бороздками. Прямые вытянутые вперед ноги завершались конусообразно, либо имели моделированные зашипом ступни, которые были загнуты вверх, разведены в стороны или отогнуты назад. Неясно, вылепливалась фигурка из одного куска глины или голова, верх и низ изготавливались отдельно. Есть фигурки из необожженной глины и терракотовые, с ангобом и без ангоба, с раскраской и без нее. Статуэтки разной величины: от крупных, около 50 см, до миниатюрных, в 2-3 см высотой.

IV тип – статуэтки сидячие без верхней части туловища. Фигурки, у которых отсутствует верхняя часть туловища, а шея сливается с талией. Общий облик оставляет впечатление спеленатой фигуры. Много целых экземпляров, нет крупных поделок, но много миниатюрных. Глаза – «круглые» и «узкие раскосые», иногда показаны рот и/или подбородок. Глаза и рот иногда закрашены черной краской, нарисованы брови. Затылок – и круглый, и удлиненный, иногда показан головной убор (прическа?). Часть статуэток (не миниатюрные) имеют нарисованные черной краской детали одежды или украшения и орнамент на внешней стороне бедер. Детородный орган либо не показан, либо изображен врезными или нарисованными черной краской до обжига треугольником или кругом. Ноги дугообразно изогнуты или вытянуты вперед, ступни не показаны. Бороздки, разделяющие ноги, прочерчены не на всех экземплярах. Есть фигурки из необожженной глины и терракотовые, с ангобом и без ангоба, с лощением и без лощения, с раскраской и без нее. Налепных деталей нет. Статуэтки лепились из одного куска глины. Размеры фигурок варьируют от 2 до 15 см.

V тип – схематичные изображения нижних частей сидячих статуэток. Семь прямоугольных анфас, треугольных в профиль, крупных, небрежно вылепленных, плохо обожженных поделок из рыхлой глины с большой примесью самана. На вероятной передней поверхности до обжига сделано углубление (детородный орган?). Диаметр и глубина углублений различны. Никакие детали не показаны, ангоб, лощение и раскраска отсутствуют.

Статуэтки, изображающие стоящих персонажей, составляют меньшинство. В эту категорию входят каменные статуи, основная масса фигурок из необожженной глины и несколько терракотовых статуэток.

Стоячие глиняные фигурки делятся на *стоячие статуэтки* и *фишки*.

Стоячие статуэтки. Нижние части туловищ 2 необожженных глиняных статуэток, у которых показаны вылепленные по отдельности ноги. Поделки слишком фрагментированы для выделения значимых элементов.

Фишки – объемные, небрежно вылепленные поделки на круглом основании вместо ног. Ни части тела, ни одежда, ни украшения детально не прорабатывались. Ангоба, раскраски и орнамента нет.

Значимые элементы: 1 – натуралистичное/схематичное воспроизведение фигуры; 2 – руки показаны/не показаны.

Фишки делятся на четыре типа.

I тип – статуэтки стоячие с верхней частью туловища, руки показаны. Натуралистичные бесполое фигурки от 2 до 20 см высотой с головой и руками в виде небольших, опущенных вдоль тела или вытянутых в стороны конусов. На головах некоторых из них по сырой глине прорисованы глаза и рот, намечен овал лица. Есть поделки из необожженной глины и терракотовые.

II тип – статуэтки стоячие с верхней частью туловища и гипертрофированной формой плеча или рук. Четыре маленькие натуралистичные бесполое фигурки из необожженной глины. У всех показана голова, у одной статуэтки намечен овал лица и процарапаны узкие глаза. Плечи широкие покатые или прямые. Общий облик оставляет ощущение коротких раскинутых в стороны рук или некоего подобия крыльев.

III тип – статуэтки стоячие с верхней частью туловища, руки не показаны. Схематичные маленькие поделки, терракотовые и из необожженной глины, в виде прямых или изогнутых усеченных конусов. Голова трактовалась как грибовидное навершие или небольшой цилиндр, посаженный под углом около 60° к корпусу. У одной терракотовой фигурки защипом моделировано лицо, вылеплен бюст и круглым несквозным отверстием показан детородный орган.

IV тип – схематичные стоячие фигурки, голова и руки не показаны. Три поделки из необожженной глины в форме маленьких прямых усеченных конусов без голов, рук и проработанных деталей.

В коллекции 25 каменных изображений. К *стоячим* скульптурам относятся 4 целых статуи, 10 торсов и 10 голов, к *сидячим* – 1 схематичная фигурка.

Скульптуры изображают выполненную в условно-плоскостной манере стоящую женскую фигуру 12-50 см высотой. Внимание скульптора концентрировалось на изображении головы и верхней части туловища. На торсах изображены только объемно моделированные груди. Конечности и органы воспроизводства не показаны, нижняя часть тела выполнена в форме треугольника или слегка уплощенного спереди и сзади цилиндра на плоском или округлом основании.

Головы каменные – слегка суженные в области шеи цилиндры с закругленной или уплощенной вершиной. Уши, волосы и/или головной убор не показаны. У большинства статуй изображены плоские округлые или треугольные лица с глазами и длинным прямым рельефным носом. Иногда показан рот. Значимые элементы: 1 – форма глаз; 2 – подбородок показан/не показан; 3 – рот показан/не показан; 4 – наличие/отсутствие раскраски.

Торсы каменные. Значимые элементы: 1 – руки не показаны/показаны выступы вместо рук; 2 – груди показаны/не показаны.

Большинство стоячих каменных статуй относятся к **III типу антропоморфных изображений**, характерной особенностью которых является отсутствие рук.

Две целые статуи, у которых показаны небольшие округлые выступы – руки или гипертрофированные плечи, относятся ко **II типу антропоморфных изображений**.

Отсутствие верхней части туловища у единственной схематичной сидячей каменной фигурки позволяет отнести ее к **IV типу антропоморфных изображений**.

Антропоморфные ручки на крышках сосудов. Малое количество и плохая сохранность изделий этого типа позволяет разделить их лишь по третьему признаку на стоячие фигурки, у которых не показаны ноги, и сидячие фигурки, у которых ноги показаны.

Антропоморфные налепы на стенках сосудов – на внутренних стенках 2 красноангобированных сосудов наклеплены очень схематичные фигурки. Никакие детали не показаны.

§2. Особенности изготовления глиняных статуэток.

Изготовление сидячих статуэток I – IV типов было регламентировано определенными правилами. На сломках 49 частей фигурок (голов, торсов, ног) видны отверстия от палочек, намеренно вставленных внутрь при лепке фигурки. В 24 случаях палочка была нужна для соединения частей тела. Внутри 19 фрагментов ног сидячих статуэток I типа есть отверстия от палочки, ненужной для соединения деталей. Внутри 7 статуэток, вылепленных из одного куска глины, также есть отверстия от нефункциональной палочки (у двух из них в нижней части торса сохранилась вмятина от косточки или горошины). Рентгенографический анализ статуэток не проводился, поэтому нельзя судить о наличии палочки в каждой фигурке.

После соединения частей тела между собой или вылепливания основы статуэтки на поверхность 99 экземпляров нанесен слой глиняной обмазки. Затем изображались черты лица и наклеплялись, вылепливались или прочерчивались мелкие детали. Вытянутые в стороны руки сидячих статуэток I типа опускались вдоль тела, прорезывались бороздки, разделяющие ноги и ягодицы (бороздки изображались и после соединения вылепленных по отдельности ног).

Следующий этап – обработка поверхности. Поверхность заглажена влажным предметом (73 экз.), покрыта ангобом различных цветов (212 экз.). Существовало 3 способа нанесения ангоба: 1) фигурку быстро окунали в раствор – получался тонкий ровный слой ангоба (179 экз.); 2) неравномерный, с просветами ангоб наносили кисточкой из травы или шерсти (28 экз.); 3) хаотичные широкие мазки наносили палочкой, соломинкой или скрученным кусочком ткани (5 экз.). Сидячие статуэтки I типа, видимо, ангобировали после опускания рук вдоль тела, поскольку у 4 хорошо сохранившихся экземпляров ангоба в подмышечных впадинах нет.

Затем раскрашивались черты лица и детали фигуры (83 экз.), рисовали детали одежды или украшения (71 экз.), орнамент на плечах и/или спине (57 экз.) и орнамент на бедрах и/или ногах (67 экз.). На разные части тела 7 экз. до обжига нанесены насечки и/или наколы.

Последним этапом перед обжигом было лощение (81 экз.).

Процесс изготовления статуэток невозможно реконструировать полностью. Но такие действия, как вылепливание рук вытянутыми в стороны, затем опускание их вдоль тела; вылепливание ног по отдельности, соединение их и затем прорезание бороздок, вновь разделяющих ноги, свидетельствуют о том, что изготовление антропоморфных изображений было ритуальным действием.

§3. Стратификация.

Антропоморфные статуэтки, найденные в раскопе 3, позволяют стратифицировать и проследить тенденции развития их типов.

Из раскопа 3 происходит около 1/4 части коллекции Илгынлы-депе. Представлены все типы, кроме V типа сидячих статуэток. Бóльшая часть фигурок происходит из заполнения помещений и дворов. Лишь единичные экземпляры найдены на полах или под стенами помещений.

Из 52 помещений в 21 (в основном, помещения горизонтов VI и V) статуэтки не найдены даже в заполнении. В целом наблюдается следующая тенденция: чем раньше во времени, тем меньше фигурок, а в пределах одного горизонта самое большое их количество находится в парадной комнате.

Сидячие статуэтки I типа найдены во всех горизонтах, но их больше в горизонтах IV, III, II.

Сидячие статуэтки II и III типов найдены в горизонтах V, IV, III.

Сидячие статуэтки IV типа отсутствовали в горизонтах VI и V, по одному обломку обнаружено в горизонтах IV и III. Самое большое их количество найдено в горизонтах II и I. К верхнему горизонту они значительно уменьшаются в размерах.

Головы с «круглыми» глазами найдены во всех горизонтах, основное их количество приходится на горизонты IV и III, в горизонтах II и I – это единичные находки.

Головы с «закрытыми» глазами найдены в горизонтах III, II и I.

Головы с «узкими раскосыми» глазами найдены только в горизонтах II и I.

Самое большое количество *фишек* найдено в горизонтах IV и III, единичные экземпляры – в горизонтах VI и V. Ни одной *фишки* не найдено в горизонтах II и I, хотя такие поделки представлены в более поздних слоях энеолитических поселений Юго-восточного Туркменистана.

Фрагменты *каменных статуй* найдены во всех горизонтах, кроме I.

Практически все типы антропоморфных изображений длительное время сосуществовали. Это подтверждает то, что варианты в изображении деталей внутри одного типа и сосуществование нескольких типов статуэток обусловлены различиями в назначении поделок. Но есть и хронологические изменения:

1. *форма глаз* – «круглые» в горизонтах VI, V и IV. «Узкие раскосые» глаза появляются не ранее середины – конца горизонта III. В конце горизонта I появляются «миндалевидные» глаза.

2. *манера изображения глаз* – перпендикулярный оттиск круглого в сечении предмета, изображавший «круглые» глаза, в середине – конце горизонта III сменяется оттиском с боковым нажимом, изображая «узкие раскосые» глаза. К концу II – началу I горизонта «узкие раскосые» глаза изображаются прорезыванием острым предметом по сырой глине. В горизонте I появляется рельефное изображение зрачков и век «миндалевидных» глаз.

3. *форма головы* – сигарообразная с невыделенным затылком характерна для горизонтов VI, V и IV, вытянутые цилиндрические затылки появляются в горизонте III, вытянутые треугольные затылки появляются не ранее горизонта II.

4. *форма головного убора (прически?)* – цилиндрический головной убор (прическа?) с одинаковым диаметром вершины и основания и углублением на вершине имели статуэтки в горизонтах IV, III и II. В горизонте I появляется головной убор (прическа?) с плоской вершиной и диаметром вершины больше диаметра основания.

5. *тенденция к уплощению форм, схематизации изображений, уменьшению размеров* появляется не позднее конца горизонта III.

6. *постепенная утрата расписных деталей одежды или украшений, появление прочерченных по сырой глине и наклепных деталей* начинается не позднее горизонта II.

Появление статуэток с «узкими раскосыми» глазами совпадает с появлением геоксюрской росписи на керамике, и, как в керамике новый орнамент накладывается на ялангачские формы сосудов, так и «узкие раскосые» глаза сначала – лишь косо поставленное орудие труда мастера, лепившего типичную ялангачскую статуэтку. И посуда с новым орнаментом, и традиционного облика статуэтки с необычным разрезом глаз находятся в еще типичном ялангачском святилище. Позднее усложняется геоксюрская

роспись на сосудах, изменяются формы сосудов и состав теста для их изготовления, меняется внешний облик и размеры статуэток, а парадные помещения утрачивают ряд черт.

В главе IV на основе исследованных материалов реконструируются обряды и верования обитателей Илгынлы-депе.

Каждое парадное помещение было связано с определенным видом ремесла. Такая нерасчлененность сакрального и рядового подтверждает тезис о том, что ритуал составлял основу жизни общества и пронизывал все сферы деятельности человека.

Разнообразие в интерьерах позволяет предположить, что у общины не были разработаны четкие правила оформления парадных помещений. Тем не менее, налицо ряд черт, характерных для каждого святилища, которые отражают мифологические представления жителей поселка.

Представление о мировом пространстве, как о фигуре с 4 направлениями, нашло отражение в ориентации парадных комнат Илгынлы-депе углами по сторонам света.

Космическая соотнесенность построек отражена в существовании в парадных комнатах 4 значимых, участков, имевших высокую семантическую нагрузку.

Первый участок – напротив входа у дальней стены под проемом. Само существование тщательно отделанного, выкрашенного в черный цвет проема и подиума за ним свидетельствует о высокой значимости участка. В 2 случаях (47/VI-3 и 26/IV-3) участок или вся стена были покрыты росписями. Рядом со стеной в святилище 38/V-3 найдена протома быка. Важность участка подтверждается скоплением сакральных объектов на полу перед стеной (26/IV-3 – на полу на раздавленном сосуде лежал глиняный диск (алтарь?) с сосудом на нем, перед диском на полу стояли 2 фишки и расписная миска перед ними; 26IV,III-5 – на полу лежали 3 разбитые чаши и каменные орудия). В крупных святилищах участок стены напротив входа имел отличающееся от других стен помещения рельефно-цветовое решение (47/VI-3, 38/V-3, 26/IV-3, 18/II-3, 10/IV,III-5 26/IV,III-5, 18/III,II?-5, 9/III-5, 15,19/III-4, 59/II-4).

Второй участок левее центра помещения – здесь в святилище 38/V-3 находился алтарь, окрашенный с боков черной краской и охрой. Начиная с конца горизонта IV, в указанной зоне располагался дисковидный очаг-жертвенник. Зону с очагом-алтарем от остального помещения отгораживали красные скамьи.

Третий участок – налево от входа, где в горизонтах VI – начале II находилась тумба. Ее нестандартное заполнение, рельефно-цветовой декор передней стены в святилищах горизонтов VI – IV и перестройки тумбы в процессе бытования святилищ горизонтов III и II свидетельствуют о высокой значимости конструкции. Если тумбы были перекрыты сверху, то их содержимое было помещено туда (как закладная жертва?) в начале

строительства. На существование обряда, связанного с началом строительства, указывают и погребения детей или антропоморфные фигурки, находимые в тумбах, под полами и в углах помещений.

Четвертый значимый участок – справа от входа, где были обнаружены сырцовые прямоугольные конструкции монолитные или на ножках (58/IV-5, 25/III-5, 18/III,II-5).

Особенностью, организующей пространство и интерьер святилищ, были яркие окрашенные охрой скамьи. Количество скамей в комнате колеблется от 2 до 4. Каждая скамья занимает строго определенное место.

Центральная скамья делит помещение вдоль на две части, она шире и выше остальных. Вторая скамья примыкает к центральной и располагается слева вдоль противоположной от входа стены. В парадной комнате 18/II-3 перед противоположными торцами скамеек в пол были вмазаны каменные сосуды с пробитым дном (для возлияний?). Третья и четвертая скамьи, уже и ниже первых двух, тоже образуют пару. Третья тянется вдоль правой боковой стены помещения, не примыкая к ней, как бы позади первой от очага. От ближнего к входу конца третьей скамьи под прямым углом влево отходит самая низкая и короткая четвертая скамья.

Учитывая близость к очагу-алтарю и размеры первой пары скамей, на них могли сидеть самые главные и/или богатые участники ритуальных действий, а за ними на второй паре скамей – второстепенные участники, приглашенные зрители или бедные члены общины и дети. Всего, в зависимости от количества скамей, в святилище могло одновременно сидеть от 5 до 25 человек, но чаще – 10-12. Это больше, чем количество людей, живших в одном доме. Кто участвовал в обрядах, сидя на красных скамьях, сказать достоверно невозможно, но на некоторых скамьях и на полах парадных помещений были разложены медные иглы и пряслица, связанные с женской сферой деятельности.

На Ингынлы-депе обнаружены свидетельства ритуала оставления святилищ: разложенные на полах ценные предметы, рассыпанное по полу зерно, разбитые скульптуры, разрушенные стены. На фоне разрушения деталей интерьера выглядит необычным обращение со скамьями – их старательно укрывали снятой со стен штукатуркой и засыпали мягкой глиной.

В парадных дворах самых больших святилищ (26/IV-3 и 38/V-3) находились сырцовые стулья, выполненные в той же манере, что и скамьи, но отличающиеся по цвету: только рельефная боковая поверхность стульев была выкрашена в черный цвет. В пределах двора находилось, максимум, два стула. Очевидно, среди собравшихся людей разыгрывалось действие, в процессе которого 2 участника имели право воссесть на стульях.

Вдоль стен в полах святилищ размещали до 13 тарных сосудов, объемом около 50 л. Зерна ячменя и пшеницы в сосудах дают основание полагать, что в святилищах под охраной высших сил хранились зерновые

запасы. Косвенным подтверждением того, что «зона влияния» крупных богатых святилищ простиралась за пределы домохозяйств, в которых они находились, служит хранение запасов зерна, превышавших запросы одной семьи. В бедных парадных комнатах скамей и сосудов для зерна не было.

Разные размеры, уровень богатства интерьера и концентрация знаковых вещей позволяют предположить, что повседневные ритуалы отправлялись в «узком кругу» в маленьких и/или бедных святилищах, важные для коллектива обряды проводились в более крупных культовых комплексах. Достигавшие наивысшего напряжения обрядовые действия проводились при участии всех жителей в самых больших и богатых святилищах.

О нематериальной стороне жизни обитателей поселка свидетельствует выполненная в технике сграффито, двухцветная роспись на дальней стене святилища 47/VI-3. Из 7 слоев штукатурки расписаны 5. Первый служил грунтом, седьмой намеренно скрывал слои с росписью и, возможно, его нанесение было частью обряда оставления святилища.

Элементы композиции одинаковы на всех слоях росписи: круг, лежащий рожками вверх полумесяц, стилизованное растение и змея. Полумесяц и растение отсутствуют на III слое, на IV и V добавляется стоящий на задних конечностях у растения персонаж.

Пространственное решение композиции одинаково на всех слоях: левую часть занимают ряды кругов в сочетании с полумесяцами, растениями и мифическим существом. На правый участок стены под проемом нанесены ползущие змеи. Количество и размеры змей меняются от слоя к слою, но неизменным остается направление движения – влево к остальной части композиции.

Левая часть композиции отделена от правой двумя декоративными неокрашенными вертикальными выступами. Узкая неокрашенная полоска отделяет черный фон левой части композиции от черного пола помещения, а неокрашенный косяк дверного проема между парадной комнатой и левой камерой, завершает локализацию левой части росписи. И, наоборот, черное покрытие пола помещения, переходящее в черный фон правой части композиции с изображениями змей, черное покрытие нижней части проема и поверхности подиума подчеркивают единство змей и черного интерьера.

Правая часть композиции, возможно, представляет подземный мир, где обитают змеи. Он отделен от изображенного слева наземного мира, где находятся травоядное животное (?), злаковые растения (?) и вода (?). Поскольку элементы символизируют значимые для земледельца образы, обеспечивающие благополучие общины, кажется вероятным создание росписей для использования их в главных календарных обрядах.

В святилище 26/IV-3 на стену под проемом на последний слой штукатурки были нанесены круги. Черный фон росписи создавал единую композицию с черным полом помещения и проемом в стене.

Торжественность парадным комнатам придает цветовая гамма интерьера – черный пол, черные или белые стены и красные скамьи.

В святилищах Илгынлы-депе черный цвет имеют предметы, расположенные внизу – пол, «плинтусы», пространство между ножек скамей, но, в то же время, и фон стен с росписью, и протома быка. В красный цвет выкрашены предметы, занимающие среднее пространство – скамьи и боковая поверхность алтаря в святилище 38/V-3, но красным ангобом покрыты и женские статуэтки, и головы двух каменных статуй. Белый цвет локализован наверху – цвет стен выше декоративного плинтуса, но белые и вкопанные в пол каменные статуи.

На Илгынлы-депе собраны данные, свидетельствующие о неутилитарном использовании огня.

Форма очага-жертвенника, маленькие размеры его лунки для огня, небольшое количество золы в ней, расположение вокруг очага красных скамей являются достаточными основаниями для утверждения, что возжигание огня и сидение вокруг очага было частью ритуальных действий.

В ранних святилищах, без очагов-жертвенников, также зафиксированы следы неутилитарного использования огня. В центре парадного помещения 38/V-3 в полу была очажная ямка, в которой горел небольшой огонь, а в парадном дворе долгое время разводили огромный костер. Изначально на месте костра был очаг из крестообразно положенных кирпичей с лункой в центре. Сильный огонь разводили и в левых камерах комплексов 47/VI-3 и 38/V-3.

В святилище 26/IV-3 к фасаду тумбы была пристроена выкрашенная в красный цвет печь, попадавшая в зону, ограждаемую красными скамьями. В процессе совершения обряда оставления святилища в печь положили полено и поставили горшок с зерном, а на печь – каменную статую с отбитой головой, крупную гальку, курант и глиняную фигурку животного.

Почти все крупные святилища были намеренно сожжены. Для этих целей на полу раскладывали слой веток. Огонь разводили неоднократно и при засыпке и забутовке культового комплекса – маленькие очажные ямки обнаружены на разных уровнях заполнения комплексов 47/VI-3, 38/V-3, 26/IV-3 и 59/II-4.

Важной для исследования мировоззрения обитателей Илгынлы-депе находкой является глиняная протома быка почти натуральной величины, фланкировавшая подиум в святилище 38/V-3. На боковой поверхности протомы по последнему слою черной краски были вырезаны 8 змей. В течение достаточно долгого времени змеи не украшали фигуру быка – на первых 6 слоях краски изображений нет. Отколовшиеся при падении и повредившие изображения змей куски последнего, VII слоя краски означают, что змеи не были вырезаны после сбрасывания протомы с подиума. Вероятно, нанесение змей было частью ритуала низвержения образа быка, а вместе с ним и оставления святилища.

В мифологических образах обитателей Илгынлы-депе бык был одним из главных персонажей. Это подтверждают находки большого количества фигурок бычков и рог дикого быка на подставке в нише святилища 26/IV-3.

Размещение черепов и костей животных в специальных местах внутри помещений с древнейших времен связаны с разными ритуалами от закладной жертвы до календарных обрядов. Череп джейрана лежал на полу подсобной камеры святилища 26/IV-3, а череп козла – в святилище 26/IV-5, кости конечностей мелких парнокопытных были обнаружены в порогах подсобных помещений комплексов 14/III-3 и 59/II-4.

Своеобразие духовной культуры обитателей Илгынлы-депе отразилось в изготовлении каменных статуй. На неолитических и энеолитических поселениях Центрального и Юго-восточного Туркменистана было найдено всего 2 каменные головы и 3 обломка торсов. Каменные статуи рассматриваемого периода на территории Ирана не известны, на раннеземледельческих поселениях Ближнего Востока камень для изготовления статуэток использовался реже, чем глина.

Ценную информацию о назначении статуй содержат каменные изваяния, обнаруженные *in situ*. Целая статуя была наполовину заглублена в пол парадного помещения 26/IV,III-5 перед дверным проемом, лицом в помещение. В том же положении найдена целая статуя в парадном помещении 12/III-4. Цилиндрическая статуя на плоском основании стояла во дворе перед входом в помещение 55/III-5 (лицом в комнату). В парадных помещениях 9/III-5 и 10/IV,III-5 в полу перед дверным проемом в вертикальном положении находились камень и длинный обломок куранта, вероятно, выполнявшие ту же роль, что и статуи.

Большая треугольная статуя с отбитой головой стояла на печи в святилище 26/IV-3. По окружности торса сохранились следы черной краски, которой обычно покрывали пол и платформы парадных помещений. Статуя долгое время находилась в вертикальном положении, наполовину заглубленная в пол или платформу, а затем (во время обряда оставления помещения?) ее вынули, отбили голову и поставили на печь.

О том, что каменные статуи и их заменители находились в полах и платформах во время функционирования помещений, говорит обнаружение *in situ* во дворах домохозяйства с комплексом 38/V-3 трех вертикально вкопанных камней. Первый стоял в центре хозяйственного двора перпендикулярно входу. Вокруг камня находились шесть заглубленных в пол кухонных горшков. На одной оси с камнем в парадном дворе стоял камень поменьше. Третий камень был вертикально вкопан в сырцовую платформу в восточном углу смежных парадного и хозяйственного дворов раннего периода бытования домохозяйства. Камни были установлены в начале функционирования помещений и долго стояли на своих местах, о чем свидетельствуют примыкающие к ним слои вымостки и глиняные промазки поверхностей дворов и платформы.

Связь каменных изваяний с домохозяйствами очевидна, что позволяет видеть в них, в качестве одной из ипостасей, хранительниц/хозяек жилища. Заглубление их в пол может указывать на связь с землей, на наделение земли и статуи (женщины) одинаковыми качествами: способностью рожать и кормить.

Общим для помещений со статуями и их заменителями-камнями является наличие в них заглубленных в пол кухонных и тарных сосудов или ямок для них. В святилище 26/IV-3 в тарных сосудах и на полу были найдены зерна ячменя и пшеницы. Такие же зерна были рассыпаны по полу и вокруг каменной статуи в святилище 26/IV-5. Эта ситуация может отражать связь изваяния с благополучием обитателей дома, с богатым урожаем.

Большинство каменных статуй намеренно разбиты в древности. Возможно, вынимание статуи из пола и отбивание головы были частью обрядовых действий, связанных с оставлением помещения. Затем торс и голову просто выбрасывали или использовали в хозяйстве как обычные камни.

Среди свойственных ритуалу визуальных средств общения значительную роль играет поза. В древних культурах Ближнего Востока стояние – это выражение почтения, а сидение – превосходства. Изящные глиняные статуэтки Илгынлы-депе изображают сидящую фигуру, а грубые фигурки – стоящую. Подтверждением предположения, что сидячие статуэтки занимали «привилегированное положение» по отношению к стоячим может служить изображение сидячей и стоячей статуэток на сосуде из Кара-депе.

Большинство глиняных статуэток найдены во фрагментах на поверхности поселения или в заполнении зданий. Лишь 32 экземпляра были разложены в специальных местах. 11 фрагментов найдены на полу в центре или в одном из углов помещений (парадное помещение 9/III-5 – обломок ног на полу; помещение 48/II-4 – нижняя часть торса на полу; хозяйственный двор 42/V-3 – обломок левого бедра в керамической вымостке; парадное помещение 59/II-4 – фрагмент нижней части торса и обломок правой ноги на полу; парадное помещение 38/V-3 – верхняя часть торса на слое штукатурки на полу; парадное помещение 18/III-5 – фрагмент торса между промазками пола; хозяйственный двор 57/I-5 – голова на поверхности двора у очага; хозяйственный двор 67/I-5 – целая статуэтка в северном углу под слоем керамики; помещение 21/III-4 – верхняя половина с головой на полу в северном углу; парадное помещение 26/IV-3 – верхняя половина с головой на полу; хозяйственный двор 48/VB-3 – голова в русле водостока; парадное помещение 14/III-3 – верхняя часть на полу). В 5 случаях (помещения 9/III-5, 59/II-4, 38/V-3, 26/IV-3, 14/III-3) оставление статуэтки, вероятнее всего, было частью обряда, связанного с прекращением функционирования парадного помещения. Роль этих статуэток до ритуального разрушения комплексов неясна, но их связь с домохозяйством очевидна. Семантическую связь статуэтки и домашнего очага отмечал И. Н. Хлопин при обнаружении

обломков терракотовых фигурок в основаниях очагов поселения Ялангач в Геоксюрском оазисе.

5 статуэток обнаружены внутри тумб и 4 под стенами (или в стенах) парадных комнат (26/IV-3 – целая статуэтка на полу в тумбе; 15,19/III-4 – целая статуэтка на полу в тумбе, там же обломок бедра; 26/IV,III-5 – нижняя часть торса в тумбе; 18/III,II-5 – правая половина торса в тумбе; 59/II-4 – одна голова в стене под слоем штукатурки, другая – между стеной и скамьей; 18/II-3 – целая статуэтка и нижняя часть торса под стеной между помещением и правой камерой). Вероятно, фрагменты статуэток были намеренно оставлены в указанных местах в начале строительства. Размещение изображений человека в таких местах имеет очень широкий спектр значений. Для интерпретации семантики статуэток большое значение имеет и нахождение в тех же местах погребений людей, что может указывать на связь статуэток с образами умерших.

Голова статуэтки в кухонном горшке в помещении 20/IV-5, антропоморфные фигурные ручки на крышках сосудов и налесты на стенках мисок могут свидетельствовать о наделении женских изображений и сосудов одинаковыми свойствами.

Важную роль в семантике статуэток играют орнаменты на бедрах и спинах. Большинство знаков не поддаются расшифровке, но изображение травоядного животного и растительности вполне определимы. Статуэтки с такими изображениями могли быть участницами календарных обрядов и/или были связаны с образами дикой природы.

Предложенными функциями роль сидячих статуэток не исчерпывается. Достаточно обратить внимание на различия в трактовке головных уборов, деталей одежды и украшений у одновременно существовавших и найденных в одном помещении фигурок. Поскольку археологический контекст не содержит информации о значении украшений и головных уборов, понять смысл этих различий невозможно. То же самое можно сказать и о раскрашенных статуэтках и статуэтках без следов краски вообще. Не находит объяснения и такое явление, как стертая в процессе использования статуэтки цветная окраска на голове.

Некоторые статуэтки похожи, как могут быть похожи изделия одного мастера или один персонаж, изображенный разными мастерами. Дополняет это впечатление и одинаковое цветовое решение статуэток с похожими лицами, одинаковыми головными уборами и другими деталями. Предположив, что несколько статуэток могли быть изображениями одного персонажа, придется признать, что он изображался в разных видах. Так, статуэтка без нарисованных украшений похожа на статуэтку с большим количеством украшений, фигурка без рта похожа на фигурку со ртом, похожи фигурки без «слез» и со «слезами», фигурки с подчеркнутыми женскими признаками и бесполое фигурки. Похожие детали имеют

статуэтки разных типов (напр.: идентичные головные уборы (прически?) у статуэток I и IV типов).

Стоячие фигурки на круглом основании могли быть фишками для игр, изображениями умерших общинников или живых людей, участвующих в переходных обрядах. Находок, подтверждающих игровые функции фигурок, не обнаружено. С большой долей сомнений к таковым можно отнести целый сырцовый кирпич и обломок кирпича, найденные в перемещенном состоянии, одна широкая поверхность каждого из которых была расчерчена на квадраты (поле для игры?).

Случаи нахождения фишек *in situ* единичны. В святилище 26/IV-3, помимо двух фигурок перед миской, на полу были оставлены еще две фишки. В большой яме-зольнике в помещении 31/III-5 на разной глубине были найдены восемь очень похожих друг на друга фигурок.

Весьма вероятным кажется изготовление стоячих фигурок для разовых ритуалов, касающихся конкретного члена общины. Две фигурки перед миской в помещении 26/IV-3 вполне соответствуют и такой трактовке.

В заключении резюмированы основные итоги исследования. Обряды и верования обитателей Илгынлы-депе демонстрируют сходство с обрядами и верованиями большинства архаических земледельческих обществ. Это относится, прежде всего, к календарным ритуалам и ритуалам, связанным с культом предков, занимающим одни из главных мест в обрядовой практике, дающим надежду на благополучие общины и регламентирующим всю жизнь земледельцев.

Количество культовых комплексов на Илгынлы-депе и наличие в них всей гаммы перехода от предельной насыщенности сакральными объектами до почти полного их отсутствия означают, что ритуал был стержнем существования общины, в целом, и неотъемлемой частью жизни каждого человека и сопровождал все виды деятельности.

Ярко проявляется женская символика обрядовой практики. Вероятно, существовали разные женские мифические персонажи, главным из которых могла быть прародительница/первопредок, роль которой исполняли каменные статуи. Глиняные статуэтки, возможно, были участницами календарных обрядов. Статуэтки с рисунками животных на бедрах могли быть связаны с образами дикой природы.

Указания на проведение ритуалов, маркирующих этапы жизни каждого человека и регулирующих его отношения с общиной, можно найти в статуэтках, изображающих персонажей разного возраста, бесполок статуэтках и схематичных стоячих фигурках.

Глиняные фигурки могли быть и изображениями умерших родственников.

Существовал культ быка – свидетельством участия такого персонажа в ритуалах, проводимых в святилищах, является протома быка.

Основные положения диссертации изложены

в монографии

Chalcolithic Anthropomorphic Figurines from Ilgynly-depe, Southern Turkmenistan. Classification, analysis and catalogue. BAR International Series 1336. Oxford. 2005.

в статьях:

1. Новые исследования на поселении Илгынлы-депе // Археологические открытия 1993 года. М, 1994: 207-208

2. Илгынлы-депе: продолжение исследований на раскопе 3 // Изучение древних культур и цивилизаций. СПб, 1994: 16-20

3. Уникальное энеолитическое святилище в Каракумах // Природа, 4, 1994: 69-72.

4. Excavations of houses and sanctuaries at Ilgynly-depe, chalcolithic site, Turkmenistan // New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia. Saint-Petersburg, 1994: 18-27 (with V. M. Masson and Yu. E. Berezkin)

5. Metal artifacts from Ilgynly-depe, Turkmenistan // New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia. Saint-Petersburg, 1994: 31-36 (with A. N. Yegor'kov, V. A. Galibin, Yu. E. Berezkin.)

6. Исследования на юго-востоке Туркменистана // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. СПб, 1995: 30-32

7. Илгынлынская настенная живопись // Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации. СПб, 1996: 21-25.

8. Символы власти в акефальном обществе: скамьи, кресла и бык на юге Центральной Азии // Символы и атрибуты власти. СПб, 1996: 102-119 (в соавторстве с Ю. Е. Березкиным).

9. Древние святилища в Каракумах. Буклет выставки. СПб, 1997.

10. Парадные комплексы Илгынлы-депе // Археологические вести, 5. СПб, 1998: 86-123 (в соавторстве с Ю. Е. Березкиным).

11. Энеолитическая настенная живопись (по материалам раскопа 3 Илгынлы-депе) // Археологические вести, 5. СПб, 1998: 124-130.

12. The wall-painting of Ylgynly-depe // South Asian Archaeology 1997. Rome, 2000: 453-465.

13. Каменные статуи Илгынлы-депе // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб, 2002: 236-240

14. The sanctuaries in Kara-Kum desert // Newsletter. Bilkent, 2004: 4-6.

15. Stone idols // Тезисы доклада на международном симпозиуме «Female Mysteries» в Софии 2004. В печати, 0,5 а. л.